

ОН БЫЛ измучен и разорен советской житухой, непогодами, а потом бесхозяйностью-безысходностью. Не боялись в нем обитать лишь бомжи да крысы. И еще Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. Помните фильм режиссера Марины Голдовской — в одиночестве сражается с потоками воды невысокая, крепко сложенная женщина — подставляет тазы, ведра, кастрюли?... Не дать погибнуть единственно сохранившемуся дому Марины! Уже бульдозер вострлил зубы и готовился его раскусить, размолоть, растоптать.

— Караул! — кричала Надежда Ивановна, врач-фронтник, защитившая диссертацию по военно-полевой хирургии, а теперь спасающая культурные ценности. И чуткие души спешили на помощь. Поэт Владимир Леонович, например, обвязывал себя веревкой, лез на крышу и сбрасывал снег, следил за проводами, чтобы, упаси Бог, не произошло замыкание. Пришел Дмитрий Сергеевич Лихачев, поглядел на черноту, разор и наводнения — и стал верным помощником в добром деле.

Бульдозер получил отставку. И кому только не пытались передать этот дом! Наконец, Союз писателей во главе с Г. Марковым выразил намерение дом великого поэта превратить в гостиницу, и в каждый номер — по клозету! Представляете?

Владимир Леонович уговорил Надежду Ивановну пойти на хитрость: на писательском партсобрании он попросил околотературную даму предоставить слово Катаевой... Дама робела перед знакомой фамилией, хотя Надежда Ивановна к этой семье не имеет отношения. И взошла Катаева-Лыткина на трибуну, и сказала все, что она думает о писателях по этому поводу. «Кто посмел ее пустить», — возроптали в президиуме. Но нужное слово произнесено. Союз отступил... Потом решили передать дом в Борисоглебском переулке Некрасовской библиотеке. Здесь Надежда Ивановна встретила замечательную Эсфирь Семеновну Красовскую — она заведовала отделом краеведения. Решили женщины — без хитрости не одолеть чиновников, а Надежда Ивановна занялась подсчетами: каждая книга — это кирпич. Ой, рухнут перекрытия. Погибнет дом! Ходила, требовала, просила. И наконец победа. Осуществилась ее 30-летняя мечта — возродить дом Цветаевой, дом поэзии и молодого романтизма. Когда-то Надежда Ивановна стояла перед домом с Эренбургом и Антокольским, и шепотом они говорили о судьбе Цветаевой. Теперь дом восстает, как птица Феникс, из пепла, в обновленные окна по-стариковски глядят два тополя, свидетели Марининой судьбы.

В «Повести о Сонечке» Марина писала: «Дом был двухэтажный, и квартира была во втором этаже, но в ней самой было

три этажа. Как и почему — объяснить не могу, но это было — так...» Два милых освещенных чердака составляют особую необъяснимую прелесть этой староарбатской постройки, созданной по дворянскому усадебному образцу. Сломали шаткие фанерные перегородки, и освободившийся простор сам рассказал о бывшей планировке дома. А еще воспоминания, проза Марины, живое свидетельство Анастасии Ивановны Цветаевой — и началось восхождение! Здесь все трудились **ВО ИМЯ**. Не за деньги, не за благодарность все-все здесь вычищено руками добрых людей. И засветилось бывшее изящество архитектурного решения. В прихожей висел когда-то телефон, отсюда звонил польский револю-

ционер Закс Дзержинскому, когда арестовали историка Иловайского, личность незаурядную, гордую. Рассказывают, будто спросил кто-то Иловайского, как он относится к Ленину и Троцкому. На что Иловайский небрежно бросил: «Ленин? Троцкий? Не слышал». После звонка Закса Иловайского отпустили.

ДОМ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

МЕЖДУ ПОВАРСКОЙ И АРБАТОМ

Фантазерка Марина назвала одну комнату с окном в потолок «синей лунностью». В другой темной комнате стоял рояль, привезенный из Тарусы. Самая большая комната — 40 метров — детская. Пока здесь отдыхают малиновые стулья для всего дома. И вот — кабинет Марины. «Граненая» низкая комната. У небольшого окна стоял письменный стол. Из окна в окно она могла поглядеть в детскую, поднять голову вверх, позвать любимого Сережу — его комната была над ней. В нише у двери стояла шарманка, а на ней граммофон. Где ее нынче отыщешь, шарманку? Умещались в комнате и тахта, и киот, и бюро. Надежда Ивановна в комиссии купила прекрасный секретер. Антиквариат. За таким работать хочется. Примечательна была и люстра с синими хрусталиками. Пытается Н. И. ее достать, а Анастасия Ивановна все твердит: «Вы про трещинку не забудьте».

Деревянная «лестница Иакова» ведет в комнату Эфрона — «чердачный дворец». Актеры, художники, поэты — один другого знаменитее (тогда студийцы!) — под-

нимались и опускались по этой лестнице. Из окна Сережиной комнаты можно было вылезть на плоскую крышу — именно здесь танцевала Марина с Завадским...

О многих вспомнят организаторы экспозиции музея, чтобы возродить атмосферу молодого романтизма, созданного воображением и руками Марины, влюбленной в своих детей, Сережу, в уют этого дома. Когда они приехали сюда, ей не было и 22. Она любима, погружена в поэзию, увлечена драматургией.

И счастье — вот оно!
Радость всех невинных глаз
— Всем на диво! —
В этот мир я родилась —
Быть счастливой.

Это написано в 14-м, звездном ее году. Здесь же, в этом доме, Цветаева напишет 16 мая 1920 года:

Сижу без света и без хлеба,
И без воды.
Затем и насылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды...

ЕЕ ИРОНИЯ оказалась пророчеством...

Если вы разувались в доброту, придите сюда, вас встретят цветаевцы — люди душевно щедрые и добрые. Директор дома Эсфирь Семеновна Красовская берется за все: издать библиографию и вымыть пол — словом, поступает совсем в цветаевском духе. Научные сотрудники (многие без денег) не только готовят выставочную экспозицию, но и «вылизывают» дом, чтобы все успеть к концу июля, к открытию Дома Цветаевой.

Огромное число замечательных людей добровольно взвалили на себя заботу о доме; были проблемы с обоями для мемориальных комнат. Изучали специальные старинные альбомы. Художник Наталья Михайловна Брагина хотела даже рисовать обои и вдруг в югославском магазине в Москве нашла похожие. За собственные 3 тысячи накупила и в двух огромных баулах принесла. И уже примерили в кабинете Марины. Хорошо! Дарвиновский музей подарил чучела белок, ор-

ла и лисы. Музей охоты и рыболовства передал волчьи шкуры (у Марины они лежали на полу), Людмила Анненкова — из рода декабристов — выполнила в своеобразной технике на металле цветной триптих с портретом Марины. Художник Елена Федоровская сделала удивительный проект оформления «Кафе поэтов». Володя Тарабукин сконструировал и исполнил особые светильники для него. Все резные деревянные работы с любовью выполнил Борис Харитонович Арифутин. Художник Слава Пуганов сотворил замечательную юбилейную Цветаевскую медаль.

Здесь все легенда. Марина в молодости увлекалась Наполеоном. С особым чувством она хранила две чайные чашки старинного фарфора с короной: тонкие, узкие, слегка приталенные с портретами Наполеона и Жозефины. И вот однажды Аля разбила одну чашку и закричала: «Я разбила его жену. Теперь он овдовел». Очень известный актер Таировского театра Владимир Соколов собрал и сохранил осколки, а когда покидал Россию, передал их своей племяннице Марине Яковлевне. Вообразите: почти 70 лет спустя принесла Марина Яковлевна эти фарфоровые осколки. В историческом музее их мастерски склеили. Лежит чашка в коробочке, ждет, когда вновь окажется в доме Марины.

Оля Герасимова из Строгановки сделала рождественский коврик для Алиной комнаты. Внук Зинаиды Серебряковой Иван Валентинович Николаев написал портреты Сологуба, Гумилева, Бальмонта, Ахматовой и других поэтов. Евгений Николаевич Маслов прислал замечательные книги, подарил деньги на стол из красного дерева для комнаты Эфрона. Банк «Столичный» оплатил «горку». Члены всемирно известного клуба «Лайонс» вместе с предпринимателями прислали 75 тысяч, кабель, краску...

Надежда Ивановна надеется, что у кого-то, возможно, сохранились из того времени напольные вазы и вазы для цветов. Необходимо перевести в белый мрамор гипсовый портрет Марины Цветаевой, выполненный когда-то скульптором Н. Крандиевской. Состоятельные люди и фирмы могли бы взять на себя часть неотложных проблем дома Цветаевой (тел. 291-60-33, 301-38-11). Счет № 700409 в Мосстройбанке, МФО 998208, уч. 06, для дома Марины Цветаевой.

Да не оскудеет рука дающего. И пусть собственным прозрением щедрого человека станут строки поэта:

Покамест день не встал
С его страстями стравленными —
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю.

Наталья ДАРДЫКИНА.